

ников, забежавший вслед за ними туда же, продолжает бегать (от суда и наказания) и на этом свете (преступники). Порфирий ловит в свои сети такие беглые души там и тут.

Среди реальных прототипов Порфирия, исполняющих ту же комически-инфернальную «должность» (напомню слова, сказанные Раскольниковым своему мучителю: «...видите, какая ваша должность комическая!» — 6, 273), несомненно, были те, с которыми Достоевский лично познакомился во время следствия по делу Петрашевского. Ведь эта «должность» предполагает подчинение чужой души своей власти, получение нужных сведений и признания всеми способами, правдами и неправдами, а стало быть, необходимо допускает нажим, одурачивание, психологические выверты и театральные эффекты.

Но за пределами личного опыта, каким бы широким он ни был, следует назвать по крайней мере одну фигуру, практиковавшую в своей «должности» те же приемы актерского мастерства, что и Порфирий, и послужившую, на мой взгляд, одновременно и литературным, и реальным прототипом героя Достоевского.

Это знаменитый Франсуа-Эжен Видок (1775—1857), сначала каторжник, а затем начальник Парижской тайной полиции, издавший в 1828 году, после отставки, «Записки...» о своей жизни и деятельности, которым сопутствовала громкая и скандальная известность. Они обратили на себя внимание Пушкина.

Сокращая рассуждение на эту тему, я воспользуюсь словами автора предисловия к русскому переводу этих «Записок...» издания 1877 года. Видок умел, говорит он, «вырывать тайны у чувствительных людей, (...) притворяться и менять наружность во всякий час дня и ночи (...) ни один актер не мог сравниться с ним в искусстве гримироваться и разыграть какую угодно роль; для него было игрушкой мгновенно изменить возраст, физиономию, манеры, язык и произношение. Даже при дневном свете, переодетый, он бесстрашно подвергался опытному глазу жандармов, полицейских комиссаров, тюремных сторожей и даже прежних соучастников, людей, с которыми жил и от которых ничего не имел тайного. Несмотря на свой высокий рост и дородность, он умел переодеваться даже женщиной...» и т. д.¹³

Биограф Видока пишет: «Не раз видали Буффе (известного актера. — В. В.), разыгрывающим в один и тот же вечер „Парижского гамена“ и „Отца Тюрлюютю“, т. е. юношу и столетнего старика. Это, конечно, было удивительно, и редкий бы актер мог выполнить подобный контраст; но это все-таки происходило на театре, при свете ламп, на довольно значительном расстоянии даже от ближайшего зрителя; тогда как Видок принимал осанку, рост, физиономию, возраст и тон голоса, какой ему было нужно, среди белого дня, в непосредственном соприкосновении с прежними сообщниками и ворами по профессии, с жандармами, частными приставами и т. д. Сложение его было атлетическое, а между тем в шестьдесят лет он больше всего любил наряжаться женщиной!»¹⁴ О подобных метаморфозах (не без хвастовства) Видок рассказывает в своих мемуарах.

Так, однажды, втершись в доверие к главарю одной из воровских шак, он подхватил разговор, начатый тем о Видоке: «— ...Если тебя не знает Видок, то тебе бояться нечего, особливо со мной, я нюхом распознаю этих бездельников (...)

— Что до меня касается, — сказал я, — то я не так хитер. Впрочем, если б мне случилось встретиться с Видоком, то по описанию, которое мне о нем сделали, черты его так ясно запечатлелись в моем воображении, что я непременно тотчас же узнал бы его.

— Уж ты бы лучше помалкивал. Видно, что совсем не знаешь эту шельму! Представь себе, он изменяется по желанию. Утром, например, он одет как мы с то-

¹³ Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. Киев, 1991. Т. 1. С. 9—10.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 405.